

Азрет Акбаев

Когда глаза
теплом
горят

Азрет Акбаев

**Когда глаза
теплом
горят**

СТИХИ, ПОЭМЫ,
БАЛЛАДЫ

Перевод
с карачаевского

Ставропольский
фонд культуры
1993

ББК В4Р7—52Р37
А36

Главный издатель М. Г. Новиков

Художник Елена Букингольц

4702010202
А 88530—92 без объявл.

Издательская лицензия
ЛР № 030082

ISBN 5—88530—095—X

- © Оформление. Составление.
Ставропольский фонд
культуры, 1993
- © А. Акбаев. 1993.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Имя карачаевского поэта Азрета Акбаева известно читателям России, Казахстана, Киргизии.

В этом сборнике стихов мы встретим стихотворения разных лет и многообразные по тематике. В них — раздумья и переживания, искренность и боль, любовь, надежды и тревоги. Его поэтической манере свойственны углубленность, сосредоточенность на излюбленной теме доброты и человечности. Ему присуща трогательная привязанность к родной земле, звучащая то лирично и задумчиво, то поднимаясь до уровня высокой трагедии.

Годы детства и юности Азрет провел на земле Казахстана и Киргизии. Он запомнил жестокость того времени, все увиденное и услышанное о трагедии карачаевского народа, страданиях людей отразил в своем творчестве.

Стихи и поэмы Акбаева всегда внутренне напряжены, сквозь них, как нервные токи, проходят картины и воспоминания, будоражащие душу. Возвращение, омытое слезами радости и скорби, вдохновило поэта к написанию многих строк. Его стихи светятся любовью к людям, зовут к миру, согласию и добру. Поэзия Акбаева пробуждает в человеке лучшие начала, новые

жизненные силы, затрагивает самые тонкие струны сердца.

«Без твердой веры в будущее родной земли мы, люди, не можем жить, расти, любить и быть полезными друг другу. Быть всегда со своей страной, со своим народом, делить их боль и сражаться за их будущее — это истинное счастье», — утверждает поэт.

И действительно, поэт Азрет Акбаев всей сутью своего творчества борется за то, чтобы мир стал светлее и добрее.

Пусть эта книга войдет в каждый дом, принесет читателям радость.

*Яков Козловский,
поэт, лауреат Государственной
премии России*

СВЯТОЕ СЛОВО ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Святое слово человечность.
Пусть будут трудными пути,
Хотел бы странствовать я вечно,
Чтоб людям доброе нести.
Признаться, я мечтаю с детства
О том, что в жизни не купить:
Бесценное копить наследство —
Добро в душе своей копить...
Легко сравнить с глазами лани
Любимой кроткие глаза.
Ее улыбка — свет и пламя,
А стан — как гибкая лоза.
Но человечность с чем сравнима?
Искать в себе,
В других найти
И не пройти случайно мимо,
Не растерять крупиц в пути.
Тепло улыбок материнских,
Самоотверженность отцов,
Добра рассыпанные искры —
То человечности лицо.
И я везде ищу сердечность
И сам не разлучаюсь с ней,
Ищите в людях человечность,
Нет ничего ее ценней.

Край мой родной — тебердинские дали,
Тропы, взлетевшие под небеса,
Где бы я ни был: «Вернись!» —

меня звали

Неодолимой любви голоса.
Помню, как тучи клубились угрюмо,
Худо мне было,

но в эти года

Радость дарила мне светлая дума,
Что не забыла меня Теберда.
И родников слышал дальние звуки,
Как карачаевской песни слова.
И тебердинское облако в руки
Брал я —

и кругом неслась голова.

Снова живу среди гор соплеменных,
Речи родимой и милых мне лиц,
Клекот потоков звучит белопенных,
Как продолжение клекота птиц.
Рад поздороваться с девушкой встречной,
К другу войти, как в родное жильё.
Мчится за солнцем мальчишка беспечный,
Кажется, детство я вижу свое.

САЛАМ ВСЕМ ЛЮДЯМ НА ЗЕМЛЕ

Заре зардевшейся салам,
Салам вершинам и орлам,
Салам сосне,

что в вышине

Видна под облаками мне.
И вишне!

Пусть вблизи окна,

Стоит, как в облаке, она.

Салам и плугу, и волам,
И полю хлебному салам!

Салам под вечною луной
Всем колыбелям до одной.

Лихому всаднику салам,

Пусть даст он волю удилам!

Салам коню, что на скаку

Не изменяет седоку.

Гость в дом войдет

и пополам

Хлеб переломим мы:

салам!

Салам реке и роднику,

Отеческому языку,

Цветку,

что вырос на скале,

Салам всем людям на Земле!

ЖИВУ ОДНОЙ МЕЧТОЙ

Я начинаю каждый новый день
С одной мечтой.

Она неодолима:

Пускай не будет на земле нигде
Войны —

Ни над горами, ни в долинах.

Пусть снизойдет на землю

Вечный мир.

И голуби над каждым домом кружат.

Пусть навсегда исчезнет

Меж людьми

Потребность объяснять свой взгляд

оружьем.

Пусть зубры

Щиплют траву в тишине,

Никто из нас их не возьмет

на мушку.

В любой земле,

Мой друг, в любой стране

Мы не должны предаться

равнодушью.

В борьбе за мир

Ты славы не ищи.

И для тебя тогда наступит

счастье,

Когда перед бедой

Поставят щит,

И в этом будет и твое участие.

РЕКА СУДЬБЫ

(поэма)

1

Я лежал тогда в колыбели
На ладонях синего неба.
Руки мамы, ласковой мамы,
Колыбельку мою качали.
Во дворе у нашего дома
Собрались друзья и родные,
Танцевали они и пели,
Веселились и пили горцы,
Прославляли мое рожденье,
И отца моего, и маму
Ото всей души поздравляли.
Я лежал тогда в колыбели
На ладонях синего неба,
А мои Кавказские горы
И торжественно, и безмолвно
В сыновья меня посвящали,
Принимали в горное братство.
Говорят, что тогда я плакал,
Слезы лил на шумном веселье..
Может быть, это были слезы
Благодарности или счастья?..
Разве я их могу стыдиться,
Этих слез, младенчески чистых.
Да, я плакал, от счастья плакал,
Что пришел в этот мир бессмертный
В Карачае моем орлином,
Что лежал в своей колыбели
На ладонях синего неба,
Под святым моим Минги-Тау.

Вырастал я в горном ауле,
Там, где беркуты над ущельем,
Там, где туры на узких тропах,
Где с высоких снегов Эльбруса
В мир рассветный стекает солнце.
Как-то раз посреди аула
Я случайно встретил седого
И почтенного аксакала.
И в глаза мои зорко глядя,
Он спросил меня: «Чей ты, мальчик?
Мне твое лицо так знакомо,
Ты постой-ка, мальчик, ответь мне,
Ты не внук ли, не внук Якуба?»
Я стоял, я смутился очень,
Только молча в ответ кивнул я...
И седой аксакал почтенный
Улыбнулся доброй улыбкой
И своею большой ладонью
Мягко волосы мне погладил.
Он сказал мне:
«Расти джигитом,
Будь достойным отца и деда,
Стань, сынок, чабаном бесстрашным,
Чтоб тобою аул гордился...»
Я смотрел в глаза аксакала,
И слова старика седого
Глубоко мне запали в душу
И отвагой зажгли мне сердце.
И опять я в те дни, как прежде,
Вспоминал любимого деда,
Вспоминал я деда Якуба...
Я смотрел на горное солнце,
На сверкающие вершины,

И мне виделись лица, лица...
Чабаны на крутых тропинках,
На лихих конях, в черных бурках,
Чабаны, что орлов быстрее
И обветренное, чем скалы,
И выносливее, чем волки.
Как хотелось надеть мне бурку,
Подрасти и умчаться в горы...
И с мальчишками мы играли,
И скакали верхом на палках,
Чабанам лихим подражая,
И над нами кружилось небо.

3

Голубая радуга детства...
Как хочу рассказать сегодня
Обо всем, обо всем, что было,
О далеком и незабытом,
Рассказать и земле, и детям,
Рассказать и горам, и небу,
Рассказать тишине подлунной
Обо всем, что тревожит душу,
Бередит мое сердце горца.
...Помню, спал я в родимой сакле,
Спал набегавшийся, усталый,
И приснился мне черной ночью
Сон тяжелый, невыносимый.
Видел я в этом сне тревожном,
Как качались горные пики,
Как по черному небосводу
Бесновались молнии-стрелы,
И с горы понеслась лавина,
И сметала она деревья,
И с предсмертным протяжным криком

Со скалы сорвался в ущелье
Новорожденный жеребенок.
И страшила людей стихия...
Я очнулся. Увидел маму.
И внезапно — крупные слезы
У нее на глазах увидел.
Помню, как я бросился к маме,
Как я обнял ее за шею.
И она меня обнимала
И пыталась скрыть свои слезы,
И подолгу в окно смотрела.
А за окнами, в небе синем,
Тяжелели, сгущались тучи,
Наплывая махиной черной.
И края их от света солнца
Полыхали огнем пожара.
И увидев мрачное небо,
Я почувствовал, сразу понял,
Что беда подошла к порогу.
Но не знал я тогда, конечно,
Разве мог я понять, осмыслить,
Что война пришла в мои горы,
Что внезапно, бесповоротно
У меня отбирают детство,
И очаг уже угасает,
Угасает в сакле родимой.

4

Просыпаясь, я видел солнце,
Над аулом оно сияло,
Заливая улицу детства
Ослепляющим светом жизни.
Только лица людей аула,
Попадающихся навстречу,

Были сумрачны и угрюмы,
И задумчивы, и тревожны.
И пронесся шум над ущельем,
И промчался гул над горами.
Град ударил по древним соснам,
Черный ветер завыл, забился
Между склонами гор Кавказских.
И орлу в такую погоду
Не взлететь из гнезда родного.
И на склонах завывали волки,
И в долине блеяли овцы,
И неслось над горами эхо,
Злое эхо волчьего воя.
И тогда посреди аула,
На моей, на улице детства,
С криком женщина появилась,
Молодая женщина в черном,
Спотыкаясь, она бежала,
Исходила тяжелым криком:
«Мой единственный брат любимый,
Он погиб на войне проклятой...
Помогите, добрые люди,
Моему помогите горю...»
Исходила тяжелым криком
Молодая женщина в черном.

5

Шла война, жестокая битва,
И земля обливалась кровью.
Наши воины из аула,
Наши горцы — отцы и деды —
Где-то в дальних краях сражались
За свободу земли родимой.
А в горах гроза грохотала,
И бесчинствовали фашисты...

Я фашистов навек запомнил:
Ворвались они в нашу саклю,
Трое наглых и здоровенных,
Автоматы — на шеях бычьих.
И мои задрожали руки,
И ресницы мои, и пальцы
В то мгновенье отяжелели,
И от ненависти и страха
Налились и набухли болью.
И враги со стены сорвали
Фотографию дорогую,
Дорогой мне портрет солдата
Стали немцы топтать ногами.
И топтали, и бормотали
Непонятные мне проклятья
На своем языке картавом,
Искажая от злобы лица.
Взгляд отца моего с портрета,
И уверенный, и спокойный,
Показался им слишком грозным
И привел врагов в исступленье.
Я смотрел на это злодейство,
И в глазах моих кровь и слезы
С горькой ненавистью смешались.
Я оглох от ударов сердца.
Я прозрел от великой боли.
И я крикнул им: «Эй, шакалы!
Вы не смейте топтать, не смейте!»
И я бросился на фашистов,
Я спасал от врагов священный
Лик отца моего родного.
И внезапно замерли немцы,
Глядя бешеными глазами
На меня лишь одно мгновенье...
А потом... Словно гром ударил...

Стены, люди, дома, деревья —
Все поплыло перед глазами,
Закачалось и наклонилось,
Покатилось во мглу густую.
Я лежал, оглушен ударом,
Я стонал, в беспомощности корчась.
Заливая мою рубаху,
Изо рта моего стекала
Очень тонкая струйка крови...
Как голодный дракон стоголовый,
Пожирали все оккупанты,
У людей отбирали пищу,
У детей кусок вырывали.
Торопились, боясь расплаты,
И телят, и овец, баранов
Всюду резали торопливо,
И дворы истекали кровью...
Если кто из почтенных горцев
Вдруг вставал на пути бандитов,
В тот же миг германская пуля
Пробивала гордое сердце.
И оно истекало кровью,
Эта кровь уходила в землю,
В землю теплую гор Кавказских,
До краев ее наполняя
Лютый ненавистью к пришельцам.
...Я лежал тогда неподвижно,
Силы не было шевельнуться.
И с трудом приоткрыл я веки,
И я помню, что мне казалось,
Будто от потолка до пола
Даль бескрайняя, как до неба...
Но пришло ко мне облегченье —
Я услышал знакомый говор,
Обступили меня мальчишки,

Из соседних дворов ребята.
И седой аксакал почтенный,
Дед Адей — ко мне наклонился
И на лоб положил мне руку.
Теплотою своей ладони
Дед Адей обогрел мне сердце,
И мою озябшую душу
Обогрел аксакал почтенный
Теплотою своей ладони.

6

И помчалась весть по аулу,
Из конца в конец полетела,
И слышала мать об этом,
Что меня, ее сына, Абрека,
В нашей сакле враги убили...
И под ливнем она бежала,
Спотыкаясь, будто слепая.
Под мостом Теберда бурлила,
И шумели угрюмо сосны,
И протяжные плети ливня
По спине мою мать стегали.
И когда она в дом вбежала,
Встали все, кто был в нашем доме...
И упала мать на колени,
И припала ко мне губами,
И рыдая, она стонала:
«Не покинь меня, мой сыночек,
Подожди, твой отец вернется,
Возвратится с войны великой.
И придет к фашистам расплата,
Не уйти им домой живыми.
Я от всех матерей-горянок
И от всей земли заклинаю!
Будет смерть поджидать фашистов

На извилистых горных тропах
И в глубоких горных ущельях!
И услышав матери голос,
Загудели родные горы,
Вознесли ее голос к небу,
Умножая его стократно
И усиливая безмерно.
И взлетало грозное слово
Материнского заклинанья
Над горами и над лесами,
Над землею многострадальной,
Зажигая сердца и души
Обожженных войною горцев
Нескончаемой силой мести,
Сокрушительной силой правды.
В ту минуту и я услышал
Голос мамы моей родимой:
«Это правда, скажи мне, мама,
Что отец мой домой вернется?»
«Да, сынок мой, орленок милый,
Он вернется... Вставай скорее...»
И вставал я, и падал снова,
И подкашивались колени.
Но глаза моей мамы были
Удивительным светом полны,
И любовью ее великой
Я тогда возвращен был к жизни.

7

Громыхали в горах сраженья,
Грохотали снаряды, мины,
И рвались враги к перевалам,
К ледяным стремились высотам.
Партизаны стояли насмерть,
Каждый выступ скалы и камень

Неприступною был твердыней.
Полыхали на склонах взрывы,
И визжали осколки в скалах.
Были стойкими партизаны,
Не смогли их смести лавины,
Не смогли их сломить бураны,
Артиллерия «Эдельвейсов»
Не смогла ослабить их волю.
И опять наступило утро
В Теберде. В моем тихом доме.
Голубая заря восстала
Над моею улицей детства.
И во двор мой явилось солнце
Из-за дальних вершин высоких,
Вновь явилось оно, сияя
И сжигая черные тучи.
Я шагал по улице детства,
И пронизаны чистым солнцем,
Безмятежно сосны светились,
И дышали свободой горы.
Я смотрел на светлые дали
И на лица людей прохожих,
И я видел на лицах солнце.
И я знал уже: по долине
И по всей Теберде родимой
Разнеслась уже весть, как птица,
Что пришли, пришли в наши горы
Красной Армии нашей солдаты.

8

Было нас, ребяташек, трое,
Мы неслись по улице детства,
Мы бежали, «ура!» кричали,
Мы кричали, в ладошки били,
В нас бурлила, кипела радость.

И мальчишечье ликованье
Улетало певучим хором
Высоко, к заоблачным далям,
И несло над родным ущельем.
И Кавказ наш несокрушимый
Отвечал нам тягучим эхсм,
Гулким голосом утверждая
Нерушимость и вечность жизни.
В этот день распахнулись к солнцу
Двери каждой сакли аула,
И бурлили синие волны
Теберды, моей речки детства.
Вместе с нами река звенела,
Воспевая освобожденье.
Мы, мальчишки, будто нежданно,
Неожиданно повзрослели.
Мы во всем помогали старшим
И почти совсем не шалили.
И однажды седобородый
Аксакал, старый дед аула,
Мне сказал, что теперь я вправе
Всем наукам идти учиться.
И надел я за спину сумку,
И пошел я поутру в школу.
Я учился, старался очень,
Приносил домой лишь пятерки
И, конечно, радовал маму.
И однажды на узкой тропке
Повстречал я в пути цыганку:
«Ой, малыш, золотой ребенок,—
Мне цыганка тогда сказала —
Золоти мою руку, мальчик,
Положи мне горбушку хлеба!
И тогда я тебя, мой милый,
Вестью радостной обласкаю...»

И я отдал кусок последний,
Так со мной уж не раз бывало.
И цыганка мне говорила,
Что отец мой домой вернется...
И тогда, затаив дыханье,
Я бросался в родную саклю,
Прижимался к маме родимой
И шептал ей радость большую.
Сколько лет с той поры минуло,
Но и чувствую я, и помню,
Как легла ладонь моей мамы
Мне на волосы незаметно
И погладила их неслышно...

9

Помню: тяжело трудилась мама
В те далекие годы бедствий.
И дрова пилила-колола,
Огород копала до ночи
И топила очаг родимый,
Малышей — и сестер, и братьев,
И меня в ночи согревая.
Было время: жестокий голод
В наши горы пришел внезапно.
И тогда моя мама, помню,
От несчастья спасала близких
И делилась последним хлебом
И мороженою картошкой...
В те жестокие годы бедствий
Люди были ближе друг другу
И доверчивей, и добрее,
И участливей были люди.
Всех сближало общее горе,
И боролись горцы с бедою,
Хоронясь от нее всем миром,

Всем аулом одолевая.
...Почтальон ходил дни за днями
Мимо нашей притихшей сакли,
А сегодня зашел поутру
И принес письмо-треугольник.
Я рванулся к нему навстречу,
Я схватил треугольник белый,
Но письмо до прихода мамы
Распечатать я не решился.
Я спешил, я помчался к маме,
Я бежал по улице детства,
А в душе родилась тревога,
И душа моя трепетала,
Словно тонкий листок чинары
Перед грозной и долгой бурей.
Помню я, как рыдала мама,
Как дрожали худые плечи,
Как ее горячие слезы
Обжигали мои ладони.
Из далеких краев несчастье
Нам принес треугольник белый,
Нам принес треугольник черный
Из далеких краев несчастье.
И рыдала мама по мужу,
Губы склеились от печали,
И захлебывалось от боли
Утомленное сердце мамы.
По аулу ходило горе,
Кочевало из сакли в саклю
В треугольниках-письмах белых,
В треугольниках-письмах черных
Смерть из сакли в саклю ходила,
Выжигая глаза слезами.
Письма с фронта в аул спешили
К нашим близким, односельчанам.

И аул наш притих в ущелье,
Горько горбясь между горами.
Я тогда вспоминал цыганку:
Почему она не сказала?
Может быть, она не посмела
Рассказать мне черную правду,
Что придет письмо-треугольник,
Что отец-солдат не вернется,
Что потом мы будем скитаться
По далеким степям бескрайним,
Что погонят нас из аула
По пустынным дорогам пыльным,
Нас, детей, матерей солдатских,
Стариков, седых аксакалов,
Нас погонят из гор родимых
По приказу «отца народов».
Что ж цыганка не предсказала?
Не решилась сказать такое...
Может быть, и сама не знала.
Столько лет с той поры минуло...
Заросли, позабылись тропы
И пустынные те дороги
Через горы и через степи.
Мне земля помогла окрепнуть,
Я познал доброту людскую,
Нет, не только людсе́й аула.
Вспоминаю того казаха,
Старика с седой бородою,
Он спасал меня от болезни,
Укрывал от степного ветра
И поил целебным отваром.
И в киргизской семье зимою
В лютый холод нас приютили
И спасали от тяжких бедствий,
Добротою сердец спасали.

Вспоминаю и русских братьев,
Заслонивших нас от невзгоды...
Повидал я тогда немало,
Повидал я тогда, запомнил,
Что великая сила в мире —
Бесконечная человечность.
...Рвутся к морю синие воды
Теберды, моей речки детства.
Так чиста Теберда родная,
Что порою приходят мысли,
Будто слезы с вершин стекают
И сливаются в реку детства,
В бесконечную реку жизни.
Я смотрю в Теберду родную
И глаза моей мамы вижу,
Я смотрю на родные горы,
Вспоминаю мои дороги,
И я знаю — земли величье
И родных моих гор величье
В вечной жизни, что прорастает
Сочной веткой горной чинары,
Веткой Горного Карачая,
Веткой правды и веткой жизни,
И я знаю, — величье горцев —
В человечности бесконечной.

КОГДА ПРОИЗНОШУ Я «КАРАЧАЙ»

Когда произношу я «Карачай!»,
Передо мною разве невзначай
Вершины гор с Эльбрусом во главе
В орлиной возникают синеве?

И водопадов слышится мне гул,
Где скалы в свой бессменный караул
Когда-то встали на заре веков
В клубящемся тумане облаков.

Когда произношу я «Карачай!»,
То голос предков слышу:
«Привечай
Душою и очами все вокруг
И нас не забывай, любезный друг!»

И вижу я отару на лугу,
И рядом с тучей радугу-дугу,
И нартов тени на вершинах гор,
И чабана языческий костер.

И воскресают образы лихих,
Ходивших в бой
сородичей моих.
Не зря гордится ими Карачай,
И ты, мой стих,
вновь славой их венчай!

Звучит «орайда!» в горной вышине
И эхом отзывается во мне.
Их удали пыл древний не угас...
Веселья час —
и ринувшийся в пляс

СЫБЫЗГЪЫ*

Вдруг весенний день увял,
Не видать ни зги.
С дрожью старый горец взял
В руки сыбызгъы.

И рассыпал соловей
Золотой горох,
Жемчуг сыплется с ветвей
И чертополох.

Вспомнит горец про войну —
Сыбызгъы всплакнет,
Чью-то горечь и вину
На себя возьмет.

Сыбызгъы умеет звать
Тех, кто далеко,
И рыдает, словно мать
Над своим сынком.

Сыбызгъы из мглы веков
Вызволит порой
Думы древних стариков...
Пахарь и герой.

Сыбызгъы откроет боль,
Думы и дела,
Потому и нам с тобой
Сыбызгъы мила.

* Сыбызгъы — свирель (с карачаевского).

КОГДА ГЛАЗА ТЕПЛОМ ГОРЯТ...

Когда глаза теплом горят,
Они невольно душу греют.
Когда я вижу добрый взгляд,
То сердцем становлюсь добрее.
Ребенка взгляд

рождает свет

Неповторимого рассвета,
И кажется, что горя нет,
Легко вращается планета.
Когда встречаю я тебя,
Прости, что я лишаяюсь речи
И молча расстаюсь, любя,
До новой незакатной встречи.
И потому любовь моя
К тебе во мне живет как тайна.
Лишь об одном тревожусь я:
Не оказаться б ей случайной.

ОРАЙДА

Орайда, орайда! Мы предкам под стать,
Затянем-ка песню в застольи,
Чтоб небеса распахнулись сокольи
И на сердце снова сошла благодать.

Орайда, орайда! Пусть грянут слова,
Что с нашей душою едины,
И ветер крылатый — сорви-голова —
Пусть их вознесет на вершины.

Орайда, орайда! Сольем голоса
В гортанном ликующем хоре.
Пускай виноградная вьется лоза,
А в чашах нам видятся зори.

Орайда, орайда! Пусть добрая весть
Все чаще является в горы.
Дороже становятся разум и честь,
И прежние сгинут раздоры.

Орайда, орайда! Пусть женщины нас
За мужество любят и ценят.
Гордимся, что пыл наш в веках не угас,
И нрав наш потомки не сменят.

Вдоль горных утесов и турьих рогов
Лети, о орайда, по праву,
Как солнечный пламень, касайся снегов,
Гривастых потоков во славу.

Орайда, орайда! Во имя добра!
О чем бы в застольи ни пели,
Мне видится снова чабан у костра
И женщина у колыбели.

Всем сердцем хочу, чтоб вблизи и вдали
Могли бы в собратском застольи
Запеть: «О орайда!» все люди земли
В честь мира и хлеба, и воли.

В чудотворной Домбайской долине
Я увидел тебя в первый раз.
Из-под кромки ресниц твоих длинных
Мне затеплились звездочки глаз.

И в тот час полюбил я навеки
Этих глаз голубые лучи.
В них клубятся кавказские реки
И на солнце синеют ручьи.

О Домбай, если б не было встречи,
Не познал бы я счастья любить.
Я постиг журавлиные речи,
И ручья серебристая нить
Мне поет на понятном и чистом
Языке, что теперь я постиг,
О приветливом взгляде, лучистом,
О свиданьи в негаданный миг.

И строкам бы моим не родиться,
Если б вовсе не встретились мы,
Как осеннему дню не рядиться
В золотое сиянье весны.

АБЕЗЕК

Древний танец абезек,
Он взрывается, как порох.
И душе моей он дорог —
Древний танец абезек.

На носках летит танцор,
И едва земли касаясь,
Молод он и лих на зависть,
И походит на костер.

Преисполненная чар,
Девушка плывет, как пава,
И стройна и величава,
На груди ее кямар*.

Осененный высотой,
Глянул парень на подругу,
И плывут они по кругу
Восхитительной четой.

В окруженьи вольных рек,
Как огонь, летит сквозь годы
Древний танец абезек.
Да не выйдет он из моды!

* Кямар — нагрудное украшение девушек.

Встречал людей я на путях земных
И в меру добрых, и не в меру злых,
И оценить порою непредвзято
Поступков не могли они своих.

Судили ближних, строгости полны,
И малой не прощали им вины.
А прегрешенья собственные в жизни
И ясным днем им были не видны.

И оттого мне грустно, что вокруг
Иных съедает зависть, как недуг,
И о себе кричат они тщеславно,
Хоть перед миром нет у них заслуг.

Встречались и такие иногда,
Раскаянье которым, вот беда,
Неведомо. И лица их ни разу
Еще не пламенели от стыда.

Клубится часто напускной туман,
За словом лжец не станет лезть в карман,
Считает он, что ты баран, и снова
Тебе всучить старается обман.

Корысть свою, вздувая пыль словес,
Возносит, как державный интерес.
Впадает перед святостью в измену
И подлеца возносит до небес.

ДАСТАРХАН

Великий смысл в коротком слове этом,
Что не сотрется в памяти моей.
Быть может и не надо быть поэтом,
Чтоб оценить красу души людей.
Казаху и узбеку, и киргизу
Его природа щедрая дала.
То слово служит пропуском и визой
На праздник, полный света и тепла.
Я в кишлаках сидел у дастархана,
С дружками ел и бешбармак, и плов.
Узбечки руки добрые порхали
И согревали маминым теплом.
О, дастархан! Веков выдавший много.
Дух наших предков бережно храня,
Ты проложил из прошлого дорогу
И добротой сердецразишь меня.
Мечты о прошлом Азии навеяв,
С годами ты не таешь, словно дым.
Ты с каждым днем становишься новее
И новым людям так необходим.
И стар и млад тобой довольны нынче,
Гостеприимства дар любому дан.
Ты нам, как воздух, дорог и привычен.
Ты, словно жизнь, бессмертен, дастархан.

Таков приказ.

— А чей?

— Отца народов.

И долгое молчанье.

Лейтенант

Окаменел,

почувяв спазмы в горле.

Молчали

двое молодых солдат,

Наверно, вспоминая

ближних горе.

Вот офицер

протер свои глаза.

— Мать,

не теряйте дорогое время.

У вас в запасе

только два часа.

— А брать-то что с собой?

— Что потеплее.

Одежду, миски,

ложки и харчи.

И я прошу вас,

не смотрите косо.

— Куда ж нам ехать

от родной печи?

— Поменьше

задавайте нам вопросов.

Живей! —

солдат командовать решил.

Но лейтенант

прервал его тираду:

— Не видишь,

пред тобою малыши.

Ты помолчи...

Детей пугать не надо.

Наш дом,
 что у подножия горы,
Осиротел
 и смотрит вслед щелями.
А вместе с ним
 соседние дворы,
Поникнув в горе,
 расстаются с нами.
И старое
 отцовское крыльцо,
И крыша дома
 с мшистой черепицей.
Сарай
 с забытой горскою овцой.
Корова. Конь.
 Нам не пришлось проститься.
Рвалась собака
 яростно с цепей.
А лай ее
 похож был на рыданье.
Деревья покачнулись
 вслед толпе,
И кроны их
 шептали заклинанья.
И поняв,
 что покинем мы аул,
Старинные заборы
 онемели.
Да, наше детство
 под прицелом дул
Загублено
 жестоко
 в колыбели.

Мы шли вперед,
назад дороги нет.
В жестокость
не хотел поверить разум.
Изгнанники
в своей родной стране,
Одним перстом
лишенные Кавказа.
В минуту
постарел народ от дум,
Ни радость,
ни улыбка не прорвется.
Нам всем казалось:
к пропасти ведут,
И жизнь за той чертою
оборвется.
В последний раз
плеснула Теберда
В мальчишьи лица
синие закаты.
Увидимся ли снова?
И когда?
Прощай, Кавказ!
Знай, мы не виноваты.

Легла в тот день
отметка на сердца.
Свершился суд,
и скорый, и неправый.
И произволу
не было конца.
И чья-то подлость
заслонила правду.

А мы,
кто и до школы не дорос,
Чем мы могли
помочь несчастной маме?
Глаза у взрослых
таяли от слез,
А дети
всей беды не понимали.
Нас набивали
в кузова машин,
Перегружали
в мрачные вагоны.
И, трудную погрузку
завершив,
Трезвонили в Москву
по телефону.
Нас ждали дали.
Азия ждала.
Нам выпало
не всем вернуться к цели.
И ребятня
осмыслить не могла,
Какими вслед нам
взорами смотрели.
Кто с болью
и сочувствием немым,
А кто кинжалил
гневным взглядом
спины.
Как-будто это
ехали не мы —
Их добрые соседи —
на чужбину.
Но помню лица
русских матерей,

Черкешенок,
ногаек,
абaziнок.
Они шептали
что-то у дверей
И не скрывали
горестных слезинок.
...Как медленно
мы ехали тогда,
А многие отправились —
за насыпь.

Людей косили
голод и беда,
Без почестей их хоронили,
наспех.
В пустынях южных
воздух зноем сжат,
Здесь по ночам
ведут концерт шакалы.
И кости карачаевцев
лежат,
Придерживая рельсы,
будто шпалы.

* * *

Мы не забудем
этих черных дней,
В глазах стоят
расстрелянные зори.
Но грусть бывает
краткой у детей.
Мы выжили.
И в жизнь включились вскоре.
Расти мы торопились.
Возмужав,

Спешили одолеть
любые беды.
Но мы не знаем,
где отцы лежат,
Что в годы те
сражались за Победу.
Не знал о наших бедствиях
отец,
До фронта не дошла
об этом правда.
И принял он
«За Родину!» свинец —
За отчий край
под небом Сталинграда.
А мы с детьми
казахскими росли,
С киргизской
и узбекской детворою.
Они нас угощали
чем могли
Суровою
военною порою.
Делили корку хлеба
пополам,
Кумысом нас
и чаем угощали.
И деды говорили:
— Ой балам!¹
И женщины
нам волосы ласкали.
— Апай², ата, ота³—
шептали мы.

¹ Ой балам (казах.) — Ой, дитя мое.

² Апай (казах.) — тетя.

³ Ата (казах.), ота (узб.) — отец.

(На ласку
чья душа не отзовется?)
Спасибо, люди!
Из крошечной тьмы
Изгнанникам
вы возвратили солнце.
...Мы возвратились
в милые края,
Вновь обрели
и Родину, и правду.
Кавказ!
Ты — дом и колыбель моя.
Сердца принадлежат
тебе по праву.
Горит очаг.
И всем вокруг тепло.
Здесь, у огня,
любому места хватит.
И мрачным
предсказателям назло
Одной семьей
живут народы-братья.
И никаких
мы не таим обид,
Любого гостя
задушевно встретим.
Пускай рассвет
был молнией разбит,
Прекрасен день!
И мы довольны этим.

ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА

Вот дерево, оно живым из ада
Сумело выйти, смерти вопреки.
В прострелянном пространстве Сталинграда,
Где погибали целые полки.

И для бойца порой укрытьем было,
До всех ветвей огнем опалено
То дерево, и, как судьба сулила,
Сегодня чудом кажется оно.

К его стволу прижался я щекою.
И отзвук боя долетел ко мне,
Мне ведомо: над Волгою-рекою
Отец мой здесь сражался на войне.

И, может быть, за полчаса до смерти,
Когда стрелять пришлось почти в упор,
Он бросил в сталинградской круговерти
На дерево единственное взор.

Наперекор и ранам, и ожогам,
Необъяснимым чудом спасено,
Нам дерево поведало б о многом,
Когда язык имело бы оно.

Мы из его правдивого рассказа
Узнать смогли бы тысячи имен
Героев и России, и Кавказа,
И всех других отеческих сторон.

И в городе над Волгою-рекою,
Под небесами, ясными от гроз,

К прославленному дереву щекою
Я прижимаюсь, не скрывая слез.

И слышу щебет птичий над собою,
И вижу волн распахнутую даль,
И поклоняюсь памяtnому бою,
И потому горда моя печаль.

О, дерево,— восьмое чудо света,
Вблизи него — посол людских сердец,
Я чувствую, как движется планета
В надежде войнам положить конец.

Если ты вместе с народом
В час его тяжких бед
Пойдешь в огонь и в воду,—
Ты — настоящий поэт!

Если ты на ночь ребенку
Ясный желаешь рассвет
Рифмою солнечной, звонкой,—
Ты — настоящий поэт!

Если в остывшем сердце
Холод тыводишь на нет,
Будут стихом твоим греться,—
Ты — настоящий поэт!

Если душою молод,
И несмотря, что сед,
Стих поднимаешь, как молот,—
Ты — настоящий поэт!

Если ты мастер слова,
Дай ему запах и цвет,
Чтобы сказал я снова:
Ты — настоящий поэт.

ПАМЯТИ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Когда в подножии Эльбруса
Родился я над Тебердой,
Коня седлал за горным кряжем
Кайсын Кулиев молодой.

Не дописав стихотворенья,
Печальной венчанной звездой,
На фронт уехал из Чегема
Кайсын Кулиев молодой.

Явил он храбрость в перестрелках,
Не разминувшийся с бедой.
И ранен был войной суровой
Кайсын Кулиев молодой.

Когда народы выселяли,
Меч вознеся над их судьбой,
В его груди открылась рана
Кровоточивей пулевой.

И вот мы встретились однажды,
Где с Тебердой свод неба слит.
Я был еще безвестно молод,
Он — повсеместно знаменит.

И, не скрывая дружелюбья
К тому, кто в этом крае рос,
Он, сделав дарственную надпись,
Стихов мне книгу преподнес.

На них печать судьбы высокой
И вдохновенья звездный знак.
И неспроста сказал Есенин:
«Поэт поэту есть кунак».

Орлов полету обучая,
Стоит в снегу Эльбрус-гора.
Балкария для Карачая —
Единокровная сестра.

И голос вещего Кайсына,
Летучим облакам под стать,
Умел,
 что помню я отменно,
Легко Эльбрус перелетать.

Мы, вспоминая о Кайсыне,
Затянем песню в лунный час.
И пусть покажется нам ныне,
Что он в Чегеме слышит нас.

ИЩУ ТЕБЯ

Неумолимые года
Травой печали прорастают.
Светлеет горная гряда,
И ночь в рассветном блеске тает.
Ищу тебя.
В моей груди
Всегда твой образ, смеха звуки.
Зову тебя:
Приди, приди,
Не забудь меня в разлуке.
Я стану ливневым дождем
И от Кумы и до Кубани
Возникну тоненьким ручьем,
И ты прильнешь ко мне губами.
Я стану песней, чтоб парить
Над миром,
Над твоею крышей.
И радость каждому дарить,
Кто песню ту хоть раз услышит.

«У БАБЫ СОРОК ДУШ...»

Однажды встарь какой-то муж,
Как будто в ход пустив кресало,
Сказал:

«У бабы сорок душ!» —
И поговоркой это стало.

В горах, в отличьи от шахинь,
В стенах жилых неизобильных
Рождалось множество рабынь,
И бессловесных и двужильных.

Закона норов превозмочь
Не смела верная адату:
Отцу не прекословит дочь,
Сестра не прекословит брату.

И по селениям к тому ж
Гуляла с пущею охотой
Молва:

«У бабы сорок душ,
С любою справится работой».

Вставала раньше всех она
И позже всех глаза смежала,
Не покладала рук до сна
И люльку по ночам качала.

Оставь, перо мое, оставь
Писать, как раньше жили жены.
Теперь в горах другая явь,
Другие действуют законы.

В почете женщины к тому ж,
Но почему ж в краю высоком
Порой

«У бабы сорок душ!» —
Бросает горец ненароком?

ОГОНЬ СЕРДЕЦ ПОГИБШИХ НЕ УГАС

Безмолвен

этот памятник-музей.

В торжественном молчании вокруг
Столпились скалы,

словно круг друзей;

И скорбен, и недвижим

этот круг.

И сам ты

в тайном трепете стоишь.

От вечного огня вокруг светло...

В ущелье этом, где аул Кумыш,

Немало душ невинных полегло.

За солнце.

За Россию.

За Кавказ.

За всех людей, живущих на земле,

Огонь сердец погибших не угас,

Он светит днем

и в полуночной мгле.

Между печальных двух

высоких плит

Цветком в губах большой седой горы

Огонь трепещет,

светится,

горит —

И озаряет

дальние миры.

Подходит старец —

гордый аксакал,

Мудра его седая голова.

Он белую папаху молча снял

И прошептал какие-то слова.

Дождинка,
а быть может — и слеза
Сверкнула вдоль морщинистой щеки.
А скалы
убегают
в небеса,
Как те бойцы,
тверды и высоки.
Огонь трепещет,
светится,
горит.
И сердце жжет
недавнюю бедой,
Между печальных двух
высоких плит
Цветок
в губах большой горы седой.

КУДА БЫ СУДЬБА МЕНЯ НИ ВЕЛА...

Чтобы на людей полюбоваться
И родных, и сопредельных мест,
По крутым дорогам подниматься
В жизни мне не надоест.
Мчат потоки, разрывая груди,
Об утесы гор,

и всякий раз

На созвездья вы похожи, люди,
Ну а я — на спутник среди вас.
И всегда, где миром правит разум,
Честь и совесть высоки в цене,
К вашим, люди, песням и рассказам
Сладостно прислушиваться мне.
Мил и лязг кинжальный, и певучесть
Ваших слов душе моей земной.
Облегчать бы чью-нибудь мне участь
И печаль утешить под луной.
Кровно с вами связан я судьбою,
И, шагая по гряде годов,
Ради вас пожертвовать собою
Я в мгновенье каждое готов.

У СОЛНЦА НЕТ ИНОЙ ЗАБОТЫ

У солнца нет иной заботы,
Как греть, светить...
Но разве это мало, Бог ты,—
Греть и светить?!

Тепло и свет земле, как воздух,
Нужны всегда.
Ромашка издает вдруг возглас:
«Скорей сюда!»

Она прекрасна в своей силе
И простоте.
А все от солнца. Луг красивей,
Моря — и те.

Ручьи горят, блестят отроги
Далеких скал.
С такими красками дороги
Я век искал.

Нежны поля под солнцем ярким,
И степь поет...
Кто солнце лучшим из подарков
Не назовет?

Любовь под стать теплу и свету.
Вдруг по весне
Она совсем иной планету
Открыла мне.

Она открыла тайны сердца
Передо мной.
Любовь и солнце по соседству
Живут со мной.

МОИ ҚАРАЧАЙ

Большой России горный перстенок,—
Мой Карачай,
 что там ни говори,
Тебя объехать вдоль и поперек
Весь можно от зари и до зари.
Ты обогреешь в стужу, как очаг,
А в зной — холодный поднесешь родник.
Мерцают звезды на твоих плечах,
Хоть чином ты поныне невелик.
Гнездовие мое — мой Карачай,
Гордись своей высокою судьбой.
И впредь весне свиданье назначай,
И помни пережитое тобой.
Мой Карачай — благословенный край,
Любви к тебе вовек не утолю.
Коль честь твою унижу — покарай,
Но от себя не отлучай — молю!
Живу как предки у Эльбрус-горы,
Где реки мчат со скальных рубежей.
Сам Лев Толстой писал, что мы храбры,
А толк он ведал в лихости мужей.
Что мы гостеприимны, написал,
А он-то знал в людском радушье толк.
Мой Карачай,
 тебе его похвал
Достойным быть повелевает долг!

И В МИРЕ КРАСОТЫ ПОДОБНОЙ НЕТ...

...Люблю в сияньи предзакатном
Смотреть на юный город Теберду.
Бегут ручьи веселые по скатам,
Уходит день за горную гряду.

Люблю вдыхать сосновый дух и травный.
Торопят ввысь альпийские луга.
О, Теберда, тебе нет в мире равных,
Ты бесконечно сердцу дорога.

Устало меркнет пламя предзаката,
Уходит день, прощальный близок час.
Я здесь любимой девушке когда-то
«Люблю тебя» — промолвил в первый раз.

А недалёко дремлет Минги-Тау
В своей извечной, снежной белизне.
Ей снится степь и снятся птичьи стаи,
Зеленый клен, зацветший по весне.

Любимый край, он красотой отмечен.
Он столько раз поэтами воспет.
Встает над Тебердой весенний вечер,
И в мире красоты подобной нет...

ЖЕНСКИЕ ГЛАЗА

У женщины и вы, быть может, сами
Такие в жизни видели глаза,
В которых и янтарь, и бирюза
Сливаются, как звезды с небесами.

А видели вы женские глаза
Зеленые, подобно малахиту,
Зазывные,
 как вешняя гроза,
Себе служить ресниц призвавших свиту?

Ах, женский взгляд, исполненный любви,
Он для души заветная отрада.
В груди мужчины свищут соловьи
От этого пленительного взгляда.

Пред женским взглядом много пало войск,
И в честь него в веках слагались строки,
Способен камень превратить он в воск,
А льды — в громокипящие потоки.

При свете дня и при ночной луне
Вдвойне тот счастлив на земных просторах,
Кто вдруг увидел женских глаз на дне
Свое лицо, как будто в двух озерах...

МУЖЧИНЫ ВОЛИ НЕ ДАЮТ СЛОВАМ

Мужчины воли не дают словам,
Предпочитая дело.

Мы такие...

О женщины, как редко слышать вам
Приходится признания мужские!

Что значит наша детская слеза?
Но я клянусь: того счастливей нету,
Кто помнит материнские глаза,
Кто видит в них всю доброту планеты!

Что значат представленья о добре
И о любви без женского участия?
...Я помню, как играя во дворе,
Вдруг замер от неведомого счастья.

Впервые ощутил я на себе
Взгляд девочки — внимательный и чистый,
И мчась наперекор любой беде
Мне захотелось с гиканьем и свистом.

Когда неповторимые глаза
На нас глядят, то мы непобедимы,
И, право, совершаем чудеса
Во имя несравненных и любимых.

И мать, и подрастающая дочь,
И та, что всех прекрасней во Вселенной,
Нам дарят смысл. И тьма уходит прочь.
Нить жизни бесконечна и нетленна.

Я РАЗВОЖУ КОСТЕР

Мусе Батчаеву

Опять в горах
Я развожу костер,
Чтоб пламя взмыло,
Взмахивая гривой,
К твоей звезде
Над выступами гор,
К звезде вечерней,
Для тебя счастливой.
И я услышу
Сквозь остуду верст,
Как ты шепнешь
Горячими губами
Слова напева,
Взятые у звезд,
Озвученные волнами
Кубани.

Аул Кумыш,
Взлетевший, как орел,
Высоко в небо
Над скалой отвесной —
Не просто песней
В сердце он вошел,
А сам он стал
Твоею лучшей песней.
И если уж доверил ты
словам

Все, что сберег в душе
За эти годы,
То песни, посвященные горам,
Пусть будут вечны,
Как и сами горы.

И пусть костер,
Что жгли с тобой вдвоем,
Давно потух,
Я разжигая новый,
Чтоб в сердце опечаленном моем
Не гас твой дух,
Веселый и суровый.

Э Х О

Пусть не забыли павшего живые,
Но мне печали не избыть вовек.
Сегодня я как будто бы впервые
Пришел к отцу.
К тебе пришел, Азгек*.

От мудрых старцев слышал я нередко —
И верить в это стал в конце концов:
Хранит ущелье голос наших предков,
Сам горный воздух —
Это дух отцов.

Иду тропой отцовской
Светлым маем,
Веду с отцом безмолвный разговор.
— Прости, но я тебя
Почти не знаю:
Прошла эпоха с довоенных пор.

Ты был джигитом, я — еще мальчонкой.
Что мог запомнить сорванец-малец?..
Навстречу солнцу,
Словно в детство, звонко
С отвесной кручи я кричу:
— Оте-е-ец!

Ущелье трижды отражает эхо.
Но, как не пробудившийся от сна,
Еще надеюсь, что не эхо это,
А встречный голос моего отца.

* Азгек — одно из тебердинских ущелий.

Он слышит сына, сыну отвечает;
Он — в сыне,
Даже в голосе его.

Иду тропой отцовской
Светлым маем.
Один как прежде. Больше никого.

Что видел он, то я сегодня вижу.
Пройдут тысячелетия еще —
Азгек всегда останется таким же:
Трав горных шелк
Да соловьиный щёлк.

Вокруг — покой. Отточенные шпили
Да сосен вековое забытье,
Да за отарой шлейф белесой пыли...
И снова сердце ёкает мое.

И новый пласт воспоминаний поднят,
И снова — детство,
И опять — отец.

Он к водопою в жаркий полдень гонит
Отару пыльных блеющих овец.

Росистым утром взявшись за работу,
Он, не жалея сил,
Траву косил.
Потом стирал с лица росинки пота,
Кричал:
— Эгей, сынок, воды неси!

Кувшин, как чашка, был в руке могучей.
Родник поил джигита за труды.

Вон он журчит,
Тот родничок под кручей.
О, сколько утекло с тех пор воды!

Который год я, устали не зная,
Несу Азгека дикую красу,
Твои преданья, сторона родная,
Сады и горы в сердце я несу.

Немало было у меня ошибок,
Но всем своим противникам назло
Я никогда не хныкал от ушибов,
Вставал
И вновь взбирался на седло.

Отец одно сказал бы:
— Ты — мужчина,—
И хлопнул бы меня он по плечу.
Синяк для причитаний — не причина.

— Оте-е-ец! —
Уже с равнины я кричу.
И жду...
Но слово троекратным эхом
Отпрянуло в ответ от белых скал.
Какой-то дед на лошади подъехал:
— Салам алейкум...
— Здравствуйте, акка...

Поводья бросив и коня оставив,
Объятыя раскрывает старый дед:
— Не может быть... Да это же Акбаев,
Алий Акбаев...
— Я, акка, Азрет...

Полшага до объятия осталось;
Седой старик застыл на полпути.

— Прости, сынок. Всему виною —
старость.
Я обознался. Не Акбаев ты.

— Акбаев я, акка, Азрет Акбаев,
Алия сын. Ты, видно, знал его.

Старик приник к груди моей, рыдая:
— Алий, Азрет... — и больше ничего.

Иду тропой отцовской
Светлым маем.
За перевалом — новый перевал.
Иду, отца и деда вспоминая,
Который об отце моем сказал:

— Алий джигит был
Смелый и толковый,
Каких я мало видел на веку.
Он мог шутя поднять с земли подкову
На всем скаку.

Как всякий богатырь,
Не хвастал силой,
Любил гостей и не жалел вина.
Здоровья на сто лет
Ему б хватило,
Когда бы не война.

Сверкал Эльбрус в тот день
Алмазной гранью,
Как отблеск отдаленного огня.

И гордый горец, подавив рыданье,
Седлал коня.

Не смог отец со смертью
разминуться,
Геройски пал в атаке штыковой.
Он слово дал
Живым домой вернуться,
Да не сдержал его.

Во имя мира пал на поле боя —
И навсегда остался на войне.
Приходит он ко мне
Порой ночью
Во сне.

Мы говорим по-горски неторопко
И разговор не кончим свой никак.
Отец уходит утром
Горной тропкой
И исчезает в дальних облаках.

Пойти за ним,
Узнать бы, где могила,
Дыханием согреть
Хотя б чуть-чуть...
Но почему-то двинуться
Не в силах.
— Оте-е-ец! —
Ему вдогонку я кричу.

Ущелье трижды отражает эхо.
И я, не пробудившись ото сна,
Еще надеюсь, что не эхо это,
А встречный голос моего отца.

Он слышит сына, сыну отвечает;
Он — в сыне,
Даже в голосе его.
Иду тропой отцовской
Светлым маем.
Один как прежде. Больше никого.

В душе моей вмещаются, как в море,
И синь небес, и грохот бурных рек.
Я слышу голос нашего предгорья,—
Отцовский голос ты хранишь, Азгек.

АЛЫЕ МАКИ СТЕПЕЙ

Годы разматывают клубок
Суровых ниток моей судьбы,
Стою на развилке моих дорог,
Бушует и пенится горный поток,
Белеют камней крутые лбы.

Не знаю, долгод ли будет путь,
Много ль отпущено мне судьбой...
Наполнена горным воздухом грудь,
И в жилах кровь тяжела, как ртуть...
Я с детства далекой иду тропой.

Кавказ в колыбели меня качал,
Баюкала эхом гор Теберда,
Но детство мое — начало-начал —
Я в вольных казахских степях встречал,
И солнцем наполнены те года.

Я помню степь в предрассветной тиши,—
Память о детстве всегда светла...
Я помню росы степей, камыши,
И алые маки моей души,—
Мне их Келесская* степь дала.

Я помню запах полыни, туман,
Вершин Ала-Тау седой оком,
И топот коней, и летящий аркан,
И алые маки твои, Казахстан,
Всегда пылают в сердце моем.

* Келес — название района на юге Казахстана.

МНЕ ПРИСНИЛОСЬ СТО ТРЕВОГ

В ночь, когда хурма цвела,
Холодом подуло.
Снилось: ты навстречу шла
Улицей аула.
Черноока и бела,
И неповторима,
Шла навстречу, да прошла
Почему-то мимо.
Здесь узка, как коридор,
Улочка аула.
Что ж, холодный бросив взор,
Лик свой отвернула?
Но со мной не говорит
Гордая отрада.
Вдруг раздался стук копыт
Громче камнепада.
Гром над крышами гремит,
Молния блеснула.
Вижу, всадник к нам летит
Улицей аула.
Всадник видный из себя,
С гордой статью турка.
На скаку схватил тебя
И закутал в бурку.
Пуля вора не взяла
На краю аула.
Что же ты с его седла
Мне платком взмахнула?
Да, обычай наш не нов,
Как слеза от дыма.
...Но проснулся я от слов —
Слов своей любимой:
— Мне приснилось сто тревог;

Испугалась даже.
Только ты любовь сберег
От несчастной кражи...

Мир прекрасен был и нов,
Зрел рассвет, как сдоба.
Совпаденью глупых снов
Рассмеялись оба.

Буду это утро пить,
Снова жить надеждой.
Хорошо любовь дарить,
А не красть, как прежде.

ЧТОБ ТЫ БЫЛА В МОЕЙ СУДЬБЕ

Пью строки писем, как вино.
Твои слова уже не ранят.
В мое пустынное окно
Один лишь дождик барабанит.

Чернила выцвели, как кровь.
«...к чему звонить...»,
«...зачем встречаться...»

И так мне захотелось вновь
К тебе, как этот дождь, стучаться!

Ты понимаешь ли,— к тебе,
Чтоб снова слышать: славный,
милый...

Чтоб ты была в моей судьбе,
Чтоб сердце с сердцем говорило.

Но дождь идет, плывет листва,
И мокнул черные газоны.
Пожалуй, ты была права,
Мечтать о счастье нет резона.

Прости,
Я — глупое сказал!
Что без тебя мне утро раннее?
Коль в сердце, как на склонах скал,
Тверды пласты воспоминаний.

Не уничтожить их ничем,
Они во мне — окаменели!
Да, я бывал от счастья нем...
Да, соловьи прекрасно пели...
Да, славны волосы твои...

СПАСИБО ВАМ, ДОБРЫЕ ЛЮДИ

Пристало ли мне на судьбу свою злиться,
Уныло роптать среди многих забот,
Что в жизни отпущено было сторицей
Мне всяческих бед, неудач и невзгод?
Я помню, как прятал недетские муки,
Как мокрой подушкой придавливал вой.
Но ласковой Родины добрые руки
Взошли над сиротской моей головой.
Спасибо за это вам, добрые люди,
За теплое слово в начале пути,
За строгость оценок

(вы первые судьи!),

За то, что удастся еще мне пройти.
Какой небосвод голубой и безбрежный!
Веселое солнце в зените стоит.
Спасибо вам, люди, за солнце надежды,—
Оно озаряет дороги мои.
Спасибо, Отчизна, за то, что немало
Дала ты прекрасного жизни моей.
Спасибо за счастье —

с больших перевалов

Смотреть на дороги мне близких людей.

Я НАВСТРЕЧУ ВЕТКЕ ПОТЯНУЛСЯ...

Я навстречу ветке потянулся,
Увидав последний лист на ней.
Невесомый, он меня коснулся
Кувыркнулся
и упал в ручей.

Но другое видится поэту:
Не осенний желтый лист плывет,—
Это лето уплывает в Лету,
А другое будет
через год.

Журавли отправились в дорогу.
Скучен старый опустелый сад.
Я шепчу ушедшему вдогонку:
— Ну послушай,
воротись назад...

Но от лета не слышать ответа.
На дворе тоскливо и темно.
Льют дожди, оплакивая лето,
Словно вправду умерло оно.

Вдруг как будто проступила просинь;
Я читаю Пушкина в тиши.
Представляю болдинскую осень
И пишу про осень
от души.

КАК И СУДЬБА, СОСЕД НЕЗАМЕНИМ

Как и судьба, сосед незаменим,
Печалится он рядом иль смеется,
Ведь дышишь ты
С ним воздухом одним
И воду пьешь из одного колодца.
И вот с крыльца
Он сходит не спеша,
И с уст летит
Приветственное слово,
И наполняется твоя душа
Признательности
Влагой родниковой.

Где б ни был ты,
С тобою он везде —
Пусть хлещет дождь
Иль на дворе метелит.
Быстрее всех
Поможет он в беде,
И раньше многих
Радость он разделит.

«Ведь о тебе, — пословица гласит, —
На свете том узнают от соседа»,
И если ярко
Твой очаг горит
И вечно радость
У тебя гостит,
То и его
Благодари за это.

БАЛЛАДА О МИНГИ-ТАУ*

Эльбрус неприступен и светел,
И весь в небеса устремлен,—
Посланец далеких столетий,
Скрывающий тайны времен.
Эльбрус-аксакал, расскажи мне
О горном народе моем,
О прошлой и нынешней жизни
Хочу я с тобою вдвоем
Беседовать, гордый и дикий,
Ответь мне, Эльбрус-аксакал,
Ответь, Минги-Тау великий,
Я путь к тебе долго искал.
И мне Минги-Тау ответил,
И дрогнул родимый Кавказ,
И был удивительно светел
Эльбрус в этот миг, в этот час.
«Стою над Кавказом недвижно
Я долгие тысячи лет,
Отсюда я многое вижу,
И тайн для меня уже нет.
Свой возраст забыл я давно,
Столетия — время земное,
Бессильно оно предо мною,
Но миром владеет оно.
Светлеют закаты, восходы,
Гремит камнепад невзначай...
И древние братья народы —
Балкария и Карачай.
Извечно верны мне, я знаю,
Горам и Кавказу верны,
Мне жизнь и дорога земная,

* Минги-Тау — (Карачаевское название Эльбруса)

И судьбы людские видны.
Я видел суровые лица,
Отважные видел сердца,
Я видел, рука нечестивца
Стрелой поразила певца.
И песни Кавказа смолкали,
И сакли горели в огне,
И люди дорогу искали
В кромешной и тягостной мгле.
Закаты алели, как раны,
Белели на гребнях снега,
Еще ваши предки-аланы
Мечом отбивали врага.
Я видел: горели аулы,
Текли водопады из слез,
И ветер, наполненный гулом,
Промчался. И стоны унес...
Немало воды утекло
По быстрым ручьям под горою,
Немало бесстрашных героев
За гордый Кавказ полегло.
Я помню: повозки вдали...—
Народов переселенье,
Холодной порою осенней
Они по дорогам брели.
Журчали ручьи торопливо,
И слезы стекали в ручьи.
И я созерцал молчаливо,
Как горбились горцы мои.
И снова года подо мной
Скользили в туман невозвратно,
И люди вернулись обратно,
В аулы родные домой...
Недаром в горах говорят:
Как горы всегда нерушимы,

Так горец-джигит и гора
Вовеки неразделимы,
И что у горы и у горца
Единая в жизни душа.
Стою я, ветрами дыша,
Задумчиво, вечно и гордо.
Пусть будет в горах тишина,
Я славлю земное цветенье!
Зачем же людское смятенье,
Людская беда и война?
Орел в бесконечность зовет,
И пусть
 люди жизнь свою множат,
И пусть
 у моих, у подножий
Аул бесконечно живет.

Опять бела от снега грудь земли
И вьюги все дороги замели.
Когда зима беснуется и злится,
Решительней и тверже наши лица.
Что сделаешь?
Ведь все в своей поре.
Мы привыкаем к холоду, к жаре.
Но мы порой не замечаем вовсе,
Шагая в заметеленные дни,
Что холода перед началом весен
Движеньям сердца нашего сродни...

У НАС В СЕЛЕ ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК ТАКОЙ

Умару

У нас в селе есть человек особый —
Способен словом душу разогреть.
Глаза сияют добротой, не злобой,
С ним в поединке отступает смерть.
Профессии врача он верен с детства,
Ей посвятил и силы, и покой.
Умеет так он в боль твою взглядеться,
Что ей не светит выход никакой.
Чужой беды нет для него на свете,
Любую принимает, как свою.
Его душа больному солнцем светит,
Опорой служит с бедами в бою.
И стар, и млад в нем утешенье видят,
Он лечит и лекарством, и теплом.
Да, человечность в самом главном виде
Не заменяет никакой диплом.

ДОЧЕРИ ГОР

Как горный рассвет весной,
Уста твои свежи.
Цветком долины какой
Назвать тебя, скажи?

Кто видел тебя хоть раз —
Позабудет покой.
Как щедро тебя Кавказ
Одарил красотой.

Как первый подснежник ты
И нежна, и скромна.
Прекрасны твои мечты,
И душа ясна.

Улыбка твоя светлей
Солнца и луны.
Джигиты округи всей
В тебя влюблены.

И солнечный наш Домбай,
И Эльбрус седой
Твоей горды красотой.
Дочь земли родной.

БАЛКАРИЯ

Просыпается, видя рассвет,
Белоплечий балкарский хребет.

Ах не он ли — опора небес,
Грань крутая речного разгона?
На хребте этом бронзовый лес
Сосен, взмывших с гранитного склона.

Незнаком ли ты здесь иль знаком,
Гость для горца дороже подарка,
И айран тебе —
 будь кунаком —
Поднесет, поклонившись, балкарка.

А появится тур на скале,
Ты оценишь, какой он красавец.
И останется пуля в стволе,
В красоту не стреляет балкарец.

Я в аул Ак-Суу как-то раз
Заглянул,
 где взлетевший под тучи,
Друг мой с детства на дне своих глаз
Уместил эти вечные кручи.

И балкарцев свободный язык
Соплеменно мне в сердце проник.

И сумел убедиться я сам,
Что язык этот, зычный от века,
Ближе многих других к небесам
И к огню среди горного снега.

Пусть балкарская песня звучит,
Сердцем знаю ее наизусть я.
Светят звезды над ней Приэльбрусья,
Журавлиная стая летит.

ПРИШЕЛ КО МНЕ ПРИЯТЕЛЬ ЗА СОВЕТОМ

Пришел ко мне приятель за советом:
Друг друга разлюбили мы с женой...
Она была моей весны рассветом,
Источник вечной радости живой.

Чем объяснить, что все переменялось?
Любовь ушла, как вешняя вода.
Теперь вражда меж нами поселилась
И не уйти ей, верно, никогда.

Что делать мне? Хоть ты мне посоветуй,
Так продолжать не стало больше сил...
А я в ответ: на жизнь свою не сетуй:
Ты вспомни, как жениться ты спешил,
А у меня совета не спросил.

И ПАХНЕТ В КОМНАТЕ ВЕСНОЮ

И снова утро золотое,
И небо светлое, без туч.
И пахнет в комнате весною,
И на подушке теплый луч.

Он шепчет мне:
— Вставай скорее...
В горах весна!
Проснись, проснись! —
О, сердце робкое, смелее
К другому сердцу прикоснись
И прошепчи: Арриум*,
Открой глаза,
Кругом взгляни

Ты слышишь щебет,
Речек шум?
Пришла весна,
Весна любви.

* Арриум — любимая (карач.)

МАТЕРИ НЕ СПИТСЯ

К вечеру ветер — слепой вертопрах —
Матери вновь навевает тревогу.
Как одинок ее домик в горах
С лампой бессонной в окне на дороге!

Пусто и холодно в доме одной,
Ей до утра не ложится в постели,
Что же поделаешь, если зимой
Голые ветви не сдержат метели.

Снова ли снится матери сон:
Замерло сердце, расставшись с тоскою —
Да, это сын, ну конечно же он,
Дверь отворяет иззябшей рукою.

— Мама, я в долгом пути изнемог,
Если вернулся в родные долины...
Тихо в ответ:

— Отдохни-ка, сынок,
Голос привычно баюкает сына.

ДЕВУШКА, ОТКУДА ТЫ?

Звезд серебряных полуда.
Алых зорь над миром власть...
Девушка, скажи, откуда,
Да, откуда ты взялась?

Крылья ласточкины — брови,
А глаза твои — цветы!
Ничего не знаю, кроме...
Девушка, откуда ты?

Словно солнце с гор скатилось,
Дни сияньем налиты.
Ну скажи ты мне на милость:
Девушка, откуда ты?

Не могу с собою сладить.
Пой, душа, на все лады!
Ну скажи мне, Бога ради:
Девушка, откуда ты?

Голос твой — ручья журчанье,
Песня дня над полем ржи,
Да с медовыми речами...
Ну откуда ты? Скажи.

Я ТОГДА ЛЕЖАЛ В КОЛЫБЕЛИ

Я тогда лежал в колыбели
На ладони синего неба.
А в горах снега голубели,
И сверкали вершины немо.

Я родился перед Победой,
Перед днем,
самым главным в мире.

В этот день отступили беды,
И несчастья все отступили.

И в предгорьях пылали розы
Цветом крови воинов павших.
Майским солнцем светились росы,
Терпко пахли родиной пашни.

Я родился перед Победой,
Этот день далеко и близко...
Зеленеют в горах побег
И молчат в горах обелиски.

И молчат обелиски гордо
У Кремлевской стены далекой.
На Москву глядят мои горы,
Сквозь туманы и сквозь дороги.

И горит огонь неустанно
Над могилами Неизвестных.
Он велик, как мой Минги-Тау,—
Этот подвиг солдат советских.

И пылает он алым цветом,
Цветом знамени поколений...
Я родился перед Победой
И горжусь я
своим рождением.

Как поют на заре соловьи!
Песня в пропасти падает с кручи.
О весенних ночах, о любви,
Вторят горы и слушают тучи.

И ручьи на рассветной поре
Очень нежное что-то лепечут
И со звоном бегут к Теберде,
На ее материнские плечи.

Только вешние дни настают,
Каждым вздохом весну прославляя,
Даже старые сосны поют
На уступчатых скалах Домбая.

А небесная бездна ясна,
Синеву уронила в озера.
И во след за отарой весна
Убегает и прячется в горы.

Я стою на лугу золотом,
И в руке моей солнечный лютик.
О весна, заходи в каждый дом,
Приноси только доброе людям.

И ПАМЯТЬ О ТЕБЕ СО МНОЙ

Как будто радуга взошла
В горах дождю вослед.
Хоть ты уехала, но мне
Забуть тебя нет сил.
В груди моей гнездо свила
Любовь во цвете лет.
Хоть ты уехала, а я
Тебя еще любил.

Волну, умчавшуюся вдаль,
На гору не вернуть.
И сердце у меня в груди
Пустыннику подстать.
Но стала мне сладка печаль,
И выхожу я в путь,
И память о тебе со мной,
Как будто благодать.

С РОССИЕЙ ГОВОРЮ

I

Тебя я с детства
В памяти несу:
Твои леса
И синие просторы,
И радугу,
И чистую росу,
И солнцем ослепляющие
Горы.

Задумчива листва
Твоих берез,
Торжественно
Безоблачное небо.
И слышу: на земле,
Где я подрос,
Звенят колосья,
Наливаясь хлебом.

Глядятся рощи
В мокрые луга.
Картина эта
Сердцу дорога.
И хочется
В минуты эти мне
С Россией
Говорить наедине...

II

Мой Карачай —
Мой горный народ,

Воспрянув, зашагал
Навстречу свету.
Достиг и он
Заоблачных высот,
И велика
Твоя заслуга в этом.

Мы тянем руки
К общему костру,
И ты способна
Обогреть любого.
Мы чтим тебя,
Как старшую сестру,
И за тобой
Идти всегда готовы.

III

Россия!
На земле обширной ты
Воздвигла дом —
Величественный, новый.
И люди в доме
Искренни, чисты,
Их добродушие —
Для него основа.

Наш дом хранит
Законы тишины.
Но не смолкает
Звонкий смех детишек.
Дать свет и радость
Людям всей страны —
Нет цели благороднее
И выше.

Почтенный аксакал,
Седой Адей,
Учил юнцов:
«Не обижайте землю.
Она поит
И кормит нас, людей,
И в ней душа
Обидчивая дремлет.

Безумство — даже прутиком,
Сынок,
Кормилицу народную
Ударить...»
Но любопытство
Я сдержать не мог,—
Я был тогда
В воинственном угаре.

Мальчишкой землю
Я побил кнутом.
И с той поры
Сжигает что-то душу.
Я землю насмерть
Защищать готов
От всех,
Кто не щадит ее и рушит.

IV

Россия...
Шесть неповторимых букв
Сияют звездно
В этом добром слове.
Но кто с тобою
Ни вступал в борьбу,

Тот непременно
Был тобою сломлен.
И я вдыхаю сладко,
Чуть дыша,

Берез настой
На розовом рассвете.
Твоя большая,
Добрая душа
Ко мне в минуты
Прикоснулась эти...

Чтобы потом,
Куда ни скажешь ты,
С собою нес
По белому по свету
Твои неповторимые черты,
Твои незаменимые приметы.

Иду ли я
По тропке среди гор
Или шагаю
По лугам росистым —
Я остаюсь тобой,
Россия, горд,
Храню в душе
Твой этот образ чистый.

И вижу,
Как возводят города
Строители в своих
Зеленых робах.
Но все-таки
Меня влечет сюда —
К земле родной,
Ее крутым отрогам.

Готов я поклониться
За труды
Им — животворцам,
Мужественным, сильным.
Я — горца сын
Из древней Теберды —
Пожизненно влюблен
В тебя, Россия.

В величье камня,
В пении ручья,
В полете птиц,
В улыбках незнакомых
Тебя, моя Россия,
Вижу я,
Поклон земной
Несу родному дому.

И славлю жизнь
Счастливых земляков.
Для нас Россия —
Гордость и отрада.
Я знаю:
Люди всех материков
К ней тянутся,
Как к солнечному саду.

V

Я — сын Кавказа —
В сердце берегу
Священного свидания
Минуты.
Москва-река.
Леса на берегу.

И я стою,
Взволнован тихим утром.

Посланец Карачая,
Я смотрю
В твои глаза,
Бессмертные вовеки.
Здесь зори все
Слились в одну зарю,
И воды все
В одну сплотились реку.

И я вдыхаю сладко,
Чуть дыша,
Все потому,
Что мы живем тобой,
И ты живешь в нас,
В каждом сердца стуке.
Нас согревают
В стороне любой
Твои большие
Солнечные руки.

И вновь поют
Твои колокола
О доблести,
О радости Победы.
И мы идем
На мирные дела,
Как в бой ходили
И отцы, и деды.

...Я был грудным,
Когда вошла война,
От взрывов молний

Прижимался к маме.
И горестно шептала
Мне она:
«Расти, сынок.
Не твой сейчас экзамен...»

VI

Я говорю с тобой
Наедине,
Моя святая родина —
Россия.
Кремлевскою звездой
Ты светишь мне
И принимаешь
Как родного сына.

По-матерински
Ласкова, щедра,
Душой вольнолюбива,
Необъятна,
Мне хорошо
У твоего костра,
Любое слово братьев
Мне понятно.

Рожденный у Эльбруса,
Я люблю
Березовые ливни
Над тобою.
И, находясь в разлуке,
Я молю
О том, чтоб вновь
Увидеться с Москвою.

С высоких гор
Грядущее видней,
И не могу к нему я
Не стремиться,
Счастливый тем,
Что на земле людей
Я тоже —
Этой Родины частица.

ТРИ БЕРЕЗЫ

Опять года
Скользнули вниз, как слезы...
Листва
Щеки коснулась осторожно.
На берегу Урупа три березы
В глаза мне смотрят нежно и тревожно.

И в Медногорск опять приходит осень,
С деревьев
Листья желтые слетают.
И почему-то я волнуюсь очень,
Когда журчит Уруп. Когда светает.

И теплый, словно руки мамы, ветер
Мое лицо
И даже плечи гладит.
И старых сосен голубые ветви
Качаются,
Мне прямо в сердце глядя.

Я так спешил к тебе, Уруп бурливый,
К родной станице в горном Карачае.
Где ласточки,
Как годы, торопливы,
И девушки,
Как солнце, величавы.

Здесь в каждом доме —
Мир добра и света.
Крупны и яркие над станицей звезды.
И сердце здесь
Теплом любви согрето,
Настоем горных трав
Наполнен воздух.

Река бурлит на быстрых перекатах,
Вскипают чувства горною лавиной...
Вот здесь тропа —
Она была когда-то
К родному сердцу девушки любимой...

Я вновь стою
На той тропинке давней,
Она петляет, в светлой дымке тая.
Мой берег детства, дорогой и дальний.
С деревьев листья желтые слетают.

ЕСТЬ СЛОВО ДОБРОЕ — САЛАМ

Есть слово доброе — салам.
Его несем мы с колыбели.
Оно нас будит по утрам,
Как песня ветра и капли.

Как много света и тепла
Вместилось в кратком слове этом!
В нем щедрость горского стола,
Приветность гор в лучах рассвета.

Мы гостя с дальней стороны
Одариваем им, как брата.
Давно в ущелье Теберды
Мне дед шепнул его когда-то.

Оно и мудрость, и привет;
Его твердят отцы и дети.
Оно в себя вобрало свет
Ушедших вдаль тысячелетий.

Едва лишь зорька по горам
Протянет первый луч из сини,
Я говорю тебе:

— Салам,

Моя судьба,
Моя Россия!

Я СЛЫШУ ГОЛОС МАНАСА В ТИШИ

Я пришел с величавых Кавказских гор,
После долгой разлуки пришел к тебе,
О, Киргизия! — Чистый святой простор...
Твои горы остались в моей судьбе.

Я принес тебе скромный
кавказский дар —
Снегов Эльбруса тревожный блеск,
Салам Карачая, сердца жар,
Песни горцев, улыбки невест.

Я принес в ладонях тебе тепло
Моего Кавказа, моей земли...
Много вод по реке Нарын утекло
С тех пор, как дороги к тебе пролегли.

Киргизия! Солнечный, светлый край,
Я помню, я слышу твой чистый звук,
На струнах седых водопадов играй
И пой мне, как мать или давний друг.

Я слышу голос Манаса в тиши,
И реки, и горы о нем поют,
Я трогаю пальцами пики вершин,
Они, как братья, рядом встают.

Я слышу твой голос, киргиз, мой брат,
В горах и в долинах, у бурных рек.
Мне близок язык твой, и я тебе рад.
Ты добрый и близкий мне человек.

Я вижу Ала-Тао встает ото сна,
Рассветный луч скользит по тропе,

Я слышу утренний бег табуна,—
Все это было в моей судьбе!

И отважный чабан, чья душа чиста,
И походка легка, и бела голова,
И мысли его манит высота,
Он щедрые скажет всегда слова.

Киргизия! Я на земле твоей
Этим теплым и добрым солнечным днем,
И колосья пшеницы, и лица друзей
Близки, как в родном Карачае моем.

Древней стране — Киргизии, мой поклон —
Многоцветная, солнечная земля!
Я слышу арыков певучий звон,
Сердцу запала Иссык-Куля заря.

Мне крепок кумыса хмель и вкус,
Я целую руки твоих матерей,
О Киргизия!

Сердцем тебе поклонюсь —,
И мудрости, и доброте твоей.

Я слышу голос Манаса в тиши,
И смех детей слышится мне...
Я трогаю пальцами пики вершин
И слышу песню гор в тишине.

ПАМЯТНИК В УЧКУЛАНЕ

Я — памятник,
Стою в ауле горном
Над древнею долиной
Учкулан.

Фамилии на мне
Сияют гордо,
Подобно неугасшим
факелам.

О, путник!
Подойди ко мне поближе,
Прочти все восемьсот имен
подряд.

Они бессмертны.
Время их не слижет.
Во мне их души пламенем
горят...

Здесь имена.
А люди — под землю,
До самого Берлина полегли.
Они навечно
Выбыли из строя,
Чтоб поколенья мирно
жить могли.

Я — памятник,
Но я живу, поверьте,
Во мне их взоры, мысли
и любовь.

Оберегаю павших я
От смерти.
По мне пусть мерит жизнь
свою любовью.

Благославляю тех,
Кто помнит свято

Всех павших за любимый
край родной.

И говорю
Входящим в жизнь ребятам:
Почаще вы советуйтесь
со мной.

Ко мне приходят
Часто аксакалы,
Папахи снимут и молчат
в тиши.

И бабушки,
Что тех бойцов ласкали,
Здесь изливают боль своей
души.

И в первый день
Своей совместной жизни,
Молодожены держат путь сюда.
Кто отдал жизнь,
Сражаясь за Отчизну,
Забыт людьми не будет
никогда.

ЕЕ СРАВНИЛИ С УТРЕННЕЙ ЗАРЕЙ

Ее сравнили с утренней зарей,—
она с весной,
с подснежниками схожа
и простотой,
и нежной красотой...
Чем гуще снег,
тем нам цветы дороже,
пронизанные сыростью лесной.
Когда она со мной,
то стороной
меня обходит туча грозовая:
затеплится полоска зарева, —
и засверкают горы
белизной.
Хранит меня в горах
и окрыляет
любовь моя, которая со мной.
Проходят годы быстрой чередой...
Подснежник мой,
ты не увял с годами...
Другие дни и люди перед нами,
а мы, как прежде,
до сих пор
с тобой:
Остался образ твой,
неувядаем,
Чолпаном* вечным,
Яркою звездою...

* Чолпан — яркая звезда.

Целину поднимала страна в Казахстане,
Эту пору забыть никому не дано.
Я же помню еще ком обиды,
засевший в гортани,
На Кавказ заслоненное, словно туманом,
окно.

Хоть тебе, Казахстан,
не давал я зарока
Забывать о печали,
сказать откровенно могу,
Никогда от меня не слышал ты упрека,
Я всегда пред тобой оставался в долгу.

Родники твои жажду мою утоляли,
И твои земледельцы кормили меня,
Твои женщины детство мое обласкали,
Согревался вблизи твоего я огня.

Речь казахской степи вспоминаю поныне,
Голос вольного ветра и ливня, и птиц,
Голос сердца, подобного горной вершине,
И сыновней любви, что, как небо,
не знает границ!

ЛАСТОЧКА СТЕПЕЙ

Розе Рымбаевой

Глядит звезда в зари голубизну.
Вдали раздался голос соловьиный.
Она идет, приветствуя весну.
Цветет тюльпан, цветок ее любимый.
Она поет, и вторит ей земля.
А песня нас в историю уводит,
Где юная казашка Алия
Свершила подвиг, что живет в народе.
Ей выпал трудный и неравный бой.
И в том бою она стояла насмерть,
Пожертвовала ласточка собой
И, крылья обломав, упала наземь.
И потемнели у земли края,
А тучи словно опустились ниже.
И эхо повторяло: «Алия,
Не умирай! Живи, живи, живи же...»
А песня, словно птица из гнезда,
Взлетает гордо в небо Ала-Тао.
И облетает многие места,
Сердца людей волнует и не тает.
В глазах певицы радуги дуга,
Улыбка, словно луч, призывно светит.
Да, песня Розы людям дорога,
Она пленяет много душ на свете.
Язык той песни всем понятен стал —
И небу, и земле, цветам и травам.
Пой, ласточка степей. Твои уста
Земли казахской умножают славу.

И СНОВА Я С ТОБОЙ, САРЫАГАЧ*

И снова я с тобой,
Сарыагач.
Живая память
Не уходит прахом.
Не этой ли обочиною вскачь
Бежали в школу
Мы с дружкой-казахом.

Я словно с детством
Здесь наедине.
Беседую с деревьями
Опять я,
И руки веток
Тянутся ко мне,
И улочек распахнуты
Объятья.

Ищу глазами то,
Чего уж нет,
И обращенной в зрение душою
Я вижу,
Словно дальний-дальний свет,
Все, что во мне
И что уйдет со мною.

Сарыагач,
Забуду ли тебя,
Ведь звезды,
Утонувшие в арыке,
Из глубины
Мерцают и слепя,
На жизнь мою
Отбрасывают блики.

* Сарыагач — город в Чимкентской области.

ПРОТЯНИ МНЕ РУКИ

Склоны Минги-Тау
Золотит луна.
Что-то сердце тает,
В том — твоя вина.

И горит рассветом
Кожа твоих щек.
Я картину эту
Навсегда сберег.

Ветерок полночный
Косы приласкал.
Ручеек рокошет
О тебе рассказ.

Я скрывать не стану
То, что встречи жду.
Для тебя достану
Яркую звезду...

Грезит лань долиной,
Ласточка — весной.
А меня лавиной
Тянет за тобой.

Я устал в разлуке,
Как я одинок.
Протяни мне руки,
Искрясь, как огонек.

МОЙ АУЛ

Он — в каменных объятьях гор уснул —
Мой живописный маленький аул.
Мне дорог вкус и говорок воды
Прозрачной быстротечной Теберды.

Люблю аулов дикую красу.
Сады и горы в сердце я несусь!
Здесь хлынул первый свет в мои глаза.
Гудела над вершинами гроза.

Отсюда взял начало весь наш род.
Сквозь дебри лет к свободе шел народ.
Какое горе на своих плечах
Он вынес и окреп,
но не зачах!

Я все узнал...
И в сердце сохранил
Кипучих игр далекий детский пыл,
Здесь мой отец
(добрейший из мужчин)
По-горски говорить меня учил.

Я помню, как по-детски был я рад
Гвоздикам, источавшим аромат.
И наблюдал подолгу, не дыша
Орлов,
что над вершинами
кружат.

Я всей душой люблю тебя, аул,
И колыбелью с детских лет зову.
Какие б я ни встретил города,
В моих глазах — родная Теберда!

И левой рукой на доске выводил
Желанное слово «Победа».
Он нам говорил о далекой войне,
О кровью залитой родной стороне,
А правый рукав гимнастерки был нем,
Рукав под ремнем тот, носил он.
Учитель-казах был героем для нас,
Вложил он всю душу в начальный наш класс.
И мы, повзрослев, повторяли не раз:
Отцам за Победу — спасибо!

ЛЮБОВЬ ЧАБАНА

Летят к тебе вновь мои мысли,
И вижу:

 аулом с утра
Идешь ты и на коромысле
Прносишь два полных ведра.
И ветер,
 сорвавшись с вершины,
Льнет к шали твоей, что бела.
И шаг твой, как лет лебединый,
Заплечно вздымает крыла.
И горы повиты туманом,
Пасу я отару, чабан.
Видением самым желанным
Ты мне предстаешь сквозь туман.
И в чайные с горного склона
Земною рукою любви,
Как будто с небесного лона,
Ласкаю я косы твои.
В прозрачном ключе под горою
Мерцающий отсвет возник,
Как будто вечерней порою
Мне ясный твой видится лик.
Гремит ли гроза, набегаая,
Гляжу ли как пляшет костер,
Тебя я забыть, дорогая,
И в снах не могу среди гор...

ВКУС ГЫРДЖЫНА*

Мой дом,
Ты дорог сердцу бесконечно,
Дым из печи
Приносит запах детства...
Мне б только
В этой жизни быстротечной
У очага родного обогреться.
Ты помнишь, как заветно птицы пели,
И мама пела
Сладко и знакомо...
Ты помнишь,
Как лежал я в колыбели,
Смотрел в твои глаза, родного дома.
Ты помнишь, как мальчишкой босоногим
Я в дверь твою
Стрелой взлетал, бывало,
И мать, меня увидев на пороге,
Гырджын большой и теплый подавала.
Я с детства помню
Нежный вкус гырджына
И мамы взгляд — и ласковый, и строгий...
Не знал я,
Что меня, родного сына,
Из дома уведут мои дороги.
Мой дом родной —
Моей души богатство.
Рожденная в отцовском доме песня
Живет во мне
И гордостью, и честью,
Живет любовью к людям,
Чувством братства.

* Гырджын — хлеб (с карачаевского).

Подай мне руку,
И шагнем вдвоем
Через века,
События и чувства.
Пусть будет для друзей
Открыт наш дом.
Мы примем гостя
И тепло, и чутко.

Пускай всегда
На торжество весны
Со всех концов
Большой планеты нашей
Съезжаются все,
Кто душой честны,
Кто мирные
Проводит всюду марши.

При этой встрече
Травы запоют,
И ласточки,
И пенистые реки.
И горы наши
Будут славить труд
И лучшие открытия
В человеке.

И кто-то скажет:
— Посмотрите вы
На этот дивный мир
Неповторимый.
Восславим праздник
Молодой листвы,

Пусть поколения
Чествуют любимых.

А мы с тобой
Тайком войдем в тот дом,
Вином наполним
Светлые бокалы.
И здравицу
Объявим за столом
За любящих,
Неведомых пока нам.

Разливом зорь
Засветит завтра им.
С планеты
Войны все уйдут и беды.
Потомков мы
Поздравить поспешим
С тысячелетьем
Праздника Победы.

ТЫ С НАМИ, БРАТ

Опять над миром звездопад...
И кто-то скажет: «Как красиво!»
А нас к тебе все так же, брат,
Влечет неведомая сила.

Звезда горит, сбавляет бег.
В последний раз над миром светит.
А мы опять спешим к тебе,
Хоть знаем: нет тебя на свете.

Нас материнским молоком
С тобой навек связало братство.
Но как сегодня нелегко —
Порой давленье двести на сто.

Нелегко путь порой бывал,
Но брать его двоим сподручней.
За перевалом перевал
Одолевали, лезли к тучам.

Ты, Виктор, полюбил навек
Наш дом желанный — Ставрополье,
И вечный шум хрустальных рек.
С людьми делился хлебом, болью.

И горцы, доброту ценя,
Всегда здоровались с тобою.
Учил ты честности меня,
Ты был моей второй судьбою.

И шелест трав, и пенье птиц
Я у тебя ценить учился.

Чтоб жили люди без границ
И совесть оставалась чистой.

От зла учил ты отличать
Добро хорошее, земное.
Но в сердце — горькая печать.
Ты только в памяти — со мною.

СПЕШИЛ Я К ТЕБЕ СО СВОЕЮ БЕДОЮ

Как солнце с утра

золотыми лучами

Стремится седые вершины обнять,

Все светлые чувства

Любви изначальной

Тебе посылаю, любимая мать.

Как всадник,

застигнутый ночью лихою,

Спешит к очагу, понукая коня,

Спешил я

К тебе со своею бедою,

Чтоб ты добротой отогрела меня.

Как птицу зовет перелет

в поднебесье,

Меня отрывают от дома дела,

С тобой остается сыновняя песня

Сердечным «спасибо»

За все, что дала...

В ручьях твоих кос

Засверкали седины,

С годами слабеет, туманится взор...

...Готов,

Если словом обидел единым,

Погибнуть

Под тяжестью

Рухнувших гор!...

Я взял эти строки обратно,

Увидя

Твой, в лучиках старости

Ласковый взгляд...

Да разве ты скажешь когда об обиде?!

Кавказские горы спокойно стоят...

Жизнь коротка, как светлый луч,
Как звезд мерцанье на восходе.
И все-таки сквозь бездну туч
Огонь твоей души доходит.

И мы опять спешим к тебе,
К твоей могиле у подножья.
И сердце замедляет бег,
И память эпизоды множит.

В беде никто не виноват,
Тебя не воскресишь слезами.
Ты рано нас оставил, брат,
Но в памяти ты вечно с нами.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателям...		3
Святое слово человечность...	Пер. Я. Козловско- го	5
Край мой родной...	Пер. Я. Козловско- го	6
Салам всем людям на земле...	Пер. Я. Козловско- го	7
Живу одной мечтой...	Пер. Г. Фатеева	8
Река судьбы...	Пер. В. Потиевского	9
Когда произношу я «Кара- чай»...	Пер. Я. Козловско- го	24
Сыбызгъы...	Пер. В. Слядневой	26
Когда глаза теплом горят...	Пер. В. Ащеулова	27
Орайда...	Пер. Я. Козловско- го	28
«В чудотворной Домбайской долине»...	Пер. Я. Козловско- го	30
Абезек...	Пер. Я. Козловско- го	31
«Встречал людей я»...	Пер. Я. Козловско- го	32
Дастархан...	Пер. Г. Фатеева	33
Расстрелянные зори...	Пер. Г. Фатеева	34
Восьмое чудо света...	Пер. Я. Козловско- го	42
«Если ты вместе с народом...»	Пер. автора	44
Памяти Қайсына Кулиева...	Пер. Я. Козловско- го	45
Ищу тебя...	Пер. автора	47
«У бабы сорок душ...»	Пер. Я. Козловско- го	48
Огонь сердец погибших не угас..,	Пер. Г. Фатеева	50

Куда бы судьба меня ни ве- ла...	Пер. Я. Козловско- го	52
У солнца нет иной заботы...	Пер. В. Слядневой	53
Мой Карачай...	Пер. Я. Козловско- го	54
И в мире красоты подобной нет...	Пер. А. Борисовой	55
Женские глаза...	Пер. Я. Козловско- го	56
Зима в Домбае...	Пер. Я. Козловско- го	57
Мужчины воли не дают сло- вам...	Пер. В. Яковлева	58
Я развожу костер...	Пер. М. Тарасова	59
Эхо...	Пер. Г. Фатеева	61
Алые маки степей...	Пер. В. Потиевско- го	67
Мне приснилось сто тревог...	Пер. Яковлева	68
Любви прекрасные черты...	Пер. Я. Козловско- го	70
Чтоб ты была в моей судьбе...	Пер. В. Яковлева	71
Спасибо вам, добрые люди...	Пер. В. Яковлева	73
Я навстречу ветке потянулся...	Пер. А. Лыцова	74
Как и судьба, сосед незаме- ним...	Пер. М. Тарасова	75
Баллада о Минги-Тау...	Пер. В. Потиевско- го	76
Опять бела от снега грудь земли...	Пер. автора	79
У нас в селе есть человек та- кой...	Пер. Г. Фатеева	80
Дочери гор...	Пер. автора	81
Балкария...	Пер. Я. Козловско- го	82

Пришел ко мне приятель за советом...	Пер. автора	84
И пахнет в комнате весной...	Пер. автора	85
Матери не спится...	Пер. В. Яковлева	86
Девушка, откуда ты?..	Пер. В. Слядневой	87
Я тогда лежал в колыбели...	Пер. В. Потиевского	88
«Как поют на заре соловьи»...	Пер. А. Борисовой	89
И память о тебе со мной...	Пер. А. Борисовой	90
С Россией говорю...	Пер. Г. Фатеева	91
Три березы...	Пер. В. Потиевского	99
Есть слово доброе — салам...	Пер. автора	101
Я слышу голос Манаса в тиши...	Пер. В. Потиевского	102
Памятник в Учкулане...	Пер. Г. Фатеева	104
Ее сравнили с утренней зарей...	Пер. А. Борисовой	106
На земле казахов...	Пер. Я. Козловского	107
Ласточка степей...	Пер. В. Потиевского	109
И снова я с тобой, Сарыагач...	Пер. М. Тарасова	110
Протяни мне руки...	Пер. автора	111
Мой аул	Пер. автора	112
Милая, молю я: приходи...	Пер. Я. Козловского	113
Отцам, принесшим победу...	Пер. Г. Фатеева	114
Любовь чабана...	Пер. Я. Козловского	116
Вкус гырджына...	Пер. Г. Фатеева	117
«Подай мне руку...»	Пер. Г. Фатеева	118
Ты с нами, брат...	Пер. Г. Фатеева	120
Спешил я к тебе со своею бедою...	Пер. Г. Фатеева	122

Азрет Алиевич Акбаев

КОГДА ГЛАЗА ТЕПЛОМ ГОРЯТ

Литературно-художественное издание:
поэтическое

Редактор *Г. С. Фатеев*

Художественный редактор *В. А. Каретко*

Технический редактор *Е. Б. Куклина*

Корректор *В. Н. Артемов*

Сдано в набор 07.04.93. Подписано к печати 06.09.93.
Формат 70×90¹/₃₂. Бум. газетная. Печать высокая. Усл.
печ. л. 4,68. Уч.-изд. л. 4,94. Тираж 5000. Заказ № 563.

Ставропольский фонд культуры, 355000, г. Ставрополь,
ул. Суворова, 1.

Ставропольская краевая типография, 355000, г. Ставро-
поль, ул. Артема, 18.

При обнаружении полиграфического брака обращаться
в Ставропольскую краевую типографию.

Акбаев А. А.

А 38 Когда глаза теплом горят: Стихи. Поэмы. Баллады. / Пер. с карач.—Ставрополь: Ставропольский фонд культуры, 1993.—с. 128.

Третья книга поэта, изданная на русском языке.

А $\frac{4702010202}{88530-93}$ без объявл.

84P7—5(2P37)

ISBN 5—88530—095—X